

4. Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н. Бердяев. – М. : Мир книги, 2006. – 416 с.

References

1. Platon. *Izbrannoe* [Favourites]. Moscow, AST publ., 2004, 493 p.
2. Aristotel'. *Pojetika. Ritorika* [Poetics. Rhetoric]. St. Petersburg, Azbuka publ., 2000, 348 p.
3. Ciceron M. T. *Izbrannye sochinenija* [Selected works]. Moscow, Hudozhestvennaja literature publ., 1975, 454 p.
4. Berdjaev N. *Samopoznanie. Opyt filosofskoj avtobiografii* [Selfknowledge. Experience of philosophical autobiography]. Moscow, Mir knigi, 2006, 416 p.

ОБРАЗ РИТОРА В АСПЕКТЕ РИТОРИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Калинина Анастасия Сергеевна, аспирант, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: rumianchik@yandex.ru.

Статья посвящена изучению составляющих образа ратора в аспекте риторических категорий, выявлению особенностей публично говорящей личности, в частности политика-дипломата.

Ключевые слова: этос, логос, пафос, образ ратора, риторическая аргументация

THE IMAGE OF A RITOR IN ASPECT OF RHETORICAL CATEGORIES

Kalinina Anastasiya S., Postgraduate Student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: rumianchik@yandex.ru.

The article is devoted to studying of components of an image of a ritor in rhetorical aspects and to identification of features of publicly speaking personality, in particular the politician-diplomat.

Keywords: ethos, logos, pathos, image of a ritor, rhetorical argument

В современной филологии центральным предметом изучения становится человек, его речевая деятельность. Проявление говорящей личности в речи, заметное участие в публичных диалогах и других видах общения, создание им уникальных культурных текстов является объектом научных речеведческих исследований. Согласно утверждению Ю.Н. Караулова, язык не может рассматриваться «в самом себе и для себя», необходимо обратиться к его творцу, носителю, пользователю, к конкретной языковой личности [9, с. 27].

Современные ученые детально изучают «языковую личность» и её уровни – вербально-семантический (лингвистика, семантика, культура речи), когнитивный (лингвокультурология, психолингвистика), прагматический (лингвопрагматика, теория речевой деятельности, теория коммуникации). Интегрирует результаты всех этих исследований общая риторика. Как известно с античной классической эпохи и в этой древней науке центральной категорией является личность, говорящая личность, образ автора, ритор, оратор, риторический портрет, субъект речи, речедеятель. Похожую парадигму образов этого филологического конструкта находим в трудах В.В. Виноградова – «образ автора», «образ писателя», «образ авторского "я"», «образ авторского лица», «образ художественного "я"», «образ говорящего или пишущего лица», «языковая личность». Точное и ёмкое определение этой категории находим в исследованиях А.А. Волкова: «Образ ратора – представление общества о раторе, которое складывается на основе его высказываний, действий и оценок его деятельности» [5, с. 163]. Именно риторический подход к изучению личности считается наиболее полным и объективным. Так, А.А. Ворожбитова называет

риторику квинтэссенцией языковедческих, речеведческих и литературоведческих знаний [8, с. 46]. Определяющим и важным для нашего исследования является мнение И.В. Пешкова: «Риторика всегда исходила из понимания реальной культуры целостного гуманитарного предмета, вводя её в обучение риторика и оратора через включение в состав своего предмета как этики, эстетики, логики, грамматики, литературной критики, истории и психологии, истории и психологии, так и через классификацию и рекомендацию текстов различных областей гуманитарного знания (без чего невозможно воспитание говорящего человека)» [11, с. 96].

Первые размышления о говорящей личности находим в трудах античных авторов. Платон утверждал, что характер человека раскрывается в речи. Сравните: Луций Сенека: «Каков человек – такова и жизнь», М.Ф. Квинтилиан: «Каков человек – такова и его манера изъясняться». Важнейшим тезисом в «риторике» Стагирита Аристотеля считаем следующий: «Для того чтобы убедить кого-либо в чём-либо, надо показать себя человеком известного склада» [2, с. 19]. При рассмотрении этого тезиса необходимо отметить, что под «известным складом» Аристотель разумеет самостоятельность и оригинальность мышления, неповторимый индивидуальный стиль, помогающий распознавать именно данного признанного ратора. По словам В.И. Аннушкина, «личность человека проявляется в поступках, а все существенные поступки человека связаны с речью. Поэтому, сказать о том, каков человек и его личность можно только проанализировав его мысли и слова» [1, с. 117]. Риторическая идея своеобразия личности, персоналии прослеживается со времен классической античности до наших дней. «Термин образ ратора введен в русскую науку, скорее всего, В.В. Виноградовым в работе «О языке художественной прозы» 1930 г. Анализируя историю русской риторики и поэтики, В.В. Виноградов проводит аналогию между образом оратора в публичной речи и образом автора в художественной литературе: «Проблема красноречия связывается со структурой образа оратора-автора как страстно чувствующего и благородно мыслящего субъекта» [3, с. 103]. Виноградов отмечает, что построение образа оратора похоже на создание актёром определённой «маски», а подготовка речи и её исполнение, несмотря на всю страстность и вдохновение, с которым выступают иные ораторы, – процесс сознательный, требующий искусства создания образа ратора» [1, с. 118]. Человек, владеющий этим искусством, становится известным ратором. Его речь воспринимается и оценивается в трёх аспектах – этическом, интеллектуальном и эстетическом. Этическая, или нравственная оценка заключается в умении защищать свою позицию и не отступать от своих взглядов. Интеллектуальная оценка связана с высокой образованностью, богатой культурной памятью, умением рассуждать, аргументировать и порождать новизну мысли. Эстетическая оценка определяется богатством и оригинальностью стиля, изяществом выражаемых мыслей. При этом А.А. Волков этическую составляющую образа ратора называет главной, главной, определяющей, а к основным качествам ратора относит честность, скромность, доброжелательность и предусмотрительность. [4, с. 74–76]. В трудах Аристотеля указаны такие созвучные качества: честность, знание, доброжелательность, ответственность, предусмотрительность, проницательность, рассудительность, мудрость, достоинство, великодушие. В полной мере эти перечисленные качества относятся к раторам-дипломатам. Достаточно сослаться на суждение о профессиональных требованиях к дипломату А.Н. Ковалёва: «Осмотрительность и способность вызывать, поддерживать доверие – вот, пожалуй, наиболее важные из них... Доверие вызывает тот дипломат, чьё слово авторитетно, чей стиль поведения как бы сам собой вписывается в общие контуры взаимоотношений данных государств» [10, с. 157].

Умение обходить рискованные ситуации, неудобные вопросы в диалоге, готовность внимательно слушать собеседника и умело уходить от назревающего конфликта, владение собой, способность ориентироваться на здравый смысл и объективно оценивать ситуацию, предусмотрительность в высказываниях – необходимые качества авторитетной личности ратора-дипломата. Особенно актуальным это становится в XXI в., когда в западных странах и Америке запускаются новые механизмы международного взаимодействия, становится частотным нарушение норм международного права и правил дипломатического этикета. Можно утверждать, что в современной Европе нет образцов риторического поведения в дипломатическом дискурсе. В российской дипломатии такими эталонами можно считать Е.М. Примакова и В.И. Чуркина. Анализ их публичной деятельности, индивидуально-авторского своеобразия представлен в нашей диссертации.

Соблюдение нравственно-этических требований позволяет принимать взвешенные решения, преодолевать кризисы, находить компромиссы, достигать мира. Ритор-дипломат – это публично говорящая личность, предлагающая своих в своих высказываниях пути разрешения международных проблем, о которых писал ещё Стагирит Аристотель, – «финансы, война и мир, охрана страны, продовольствие страны, законодательство» [2, с. 103]. Здесь представляется уместным обратиться к монографии И.Ю. Чистяковой, в которой автор пишет: «Обращает на себя внимание то, что любая речь есть отражение нравов общества и этоса ратора. В результате, как писал Ю.В. Рождественский, "речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо" [12, с. 12]. Истинные суждения должны подкреплять факты, примеры, доказательства. Так, Гераклит Эфесский "сущностью судьбы полагал разум (логос), пронизывающий субстанцию Вселенной. Используя опыт прошлого, ритор многократно обращается к цитатам, рассказу, пояснениям, историческим параллелям, на которых строится речь о будущем» [14, с. 85]. А дипломатическая речь, как и политическая, – это всегда речь о будущем. В сравнении: судебная речь – речь о прошлом, эпидейктическая речь – о настоящем.

Образ ратора как базовый риторический конструкт реализуется в триаде этос – пафос – логос, которые становятся первоосновой его речевой деятельности и отдельной публичной речи. Анализ этоса является первым уровнем анализа образа ратора и включает в себя экстралингвистические условия публичных высказываний – время, место, риторические события, аудиторию, нравственно-этические нормы, установленные в обществе, жанр, в котором осуществляется речь, правила построения аргументации, обеспечивающие уместность публичного высказывания. Как утверждает А.А. Волков, «этос – совокупность норм, на основе которых аудитория оценивает ратора по речи» [5, с. 166].

У каждого авторитетного ратора, как известно, формируется своя аудитория, которая ориентируется на определенные нравственные установки и ценности. Аудитория должна верить избранному ею ратору, но при этом должна иметь свободу самовыражения. Согласно учению об этосе А.А. Волкова, «риторика начинается и заканчивается там, где начинаются и заканчиваются возможности свободной воли человека. Там же, где действие слова принудительно, какими бы мотивами и обстоятельствами эта принудительность ни объяснялась, проходит граница применения риторики. И в этом состоит этическая составляющая философии риторики» [5, с. 168].

Нравственное самосознание ратора, его риторическая этика, риторический идеал, на который он ориентируется, принимается или не принимается аудиторией, однако именно с помощью этих инструментов ритор управляет важными процессами общества. «Этос – этическое, нравственное воззрение говорящего, способного изменить взгляды слушателей и убедить в необхо-

димости определенных действий» [15, с. 60]. Достаточно вспомнить, что в переводе с греческого «этос – это характер личности, сформированный традициями и обычаями» [13, с. 669]. Ценности, обычаи и традиции, на которые ориентируется ритор в своих публичных высказываниях, становятся едва ли не главным мерилom в оценке его речевой деятельности аудиторией. И здесь следует говорить не только о формировании этоса ратора, этоса отдельной публичной речи, но и об этосе времени. Современная Россия ориентирована на национальные ценности, обычаи и традиции её народов, в СМИ идет открытый и свободный диалог с представителями различных политических взглядов и течений. Главной целью здесь становится поиск истины и справедливого решения. В противовес российской позиции американская риторика агрессивна и ультимативна. Её этос нельзя назвать полноценным, поскольку неподтвержденная фактами информация ложится в основу публичных заявлений международного масштаба, при этом не учитывается ни профессиональная этика, ни риторический идеал. В этом отношении уместно следующее высказывание А.А. Волкова: «Риторический идеал является продуктом развития духовной культуры общества, ожидающего в писателе или ораторе личных качеств, которые каждый хотел бы видеть, если не в себе самом, то в человеке, обладающем высоким нравственным достоинством и авторитетом. Такой авторитет дает моральное право на власть – признание зависимости. Этот риторический идеал теснейшим образом связан с другими аспектами риторического этоса, поскольку он рождается от личной нравственной культуры ратора и как общественная норма определяет конкретное содержание ораторских нравов» [5, с. 169]. К ораторским нравам традиционно относят честность, скромность, доброжелательность, предусмотрительность. Публичная речь строится на истинных и достоверных высказываниях, опирающихся на действительность, на реально существующие факты. Влиятельность публичного слова и его эффективность определяются реакцией конкретной аудитории. На выступления российских дипломатов о постановочном характере сюжета об использовании химического оружия Асадом от 7 апреля 2018 г. откликнулись многие представители дипломатических миссий разных стран. Позицию России поддержали Греция, Австрия, Куба и другие страны. Убедительны, влиятельными и эффективными оказались, прежде всего, выступления В. Небензи в ООН и М. Захаровой в МИДе России. Российские дипломаты несут личную ответственность и за содержание и за форму публичного слова, тогда как американские партнеры зачастую ориентируются на непроверенные факты и эмоциональные суждения. Несомненно, ритор должен нести ответственность также и за последствия предложенных им действий. Публичные рассуждения российских дипломатов основываются на мировом и национальном историческом опыте, обращении к науке, философии, а главное – на неоспоримых фактах. Дипломатия России развивается и совершенствуется и как наука, и как искусство, стремясь к преодолению кризисов и обретению приемлемых концепций решений.

Пафос как исследование риторического замысла в отдельной публичной речи или в речевом поведении в целом является вторым уровнем анализа образа ратора и включает в себя направленность эмоционального воздействия речи. Разграничивая риторический пафос в соответствии с родом красноречия, А.А. Волков обращает внимание на следующее: «Эпидейктический пафос состоит в образовании аудитории, в которой выделяются воспитание внимания, формирование знаний и навыков. Судительный пафос состоит в стремлении к истине и справедливости, поэтому оратор формирует в аудитории знания (знать можно истину), внимание, эмоцию и намерение. Совецательный пафос состоит в стремлении к благу и пользе, поэтому совещательный оратор формирует в аудитории пафос эмоции, внимания, намерения, действия.

Риторический пафос может быть повышающим и понижающим. Повышающим является пафос, который развивает нравственные качества и творческие способности личности и общества и образует созидательную деятельность аудитории; понижающим является пафос, который снижает соответствующие качества и способности. Понятно, что повышающий пафос стремится предложить решение проблемы и обосновать его с позиций духовной нравственности, а понижающий – с позиций эгоистического интереса» [5, с. 205]. Приведём некоторые примеры из выступлений российских дипломатов, подтверждающие повышающий пафос. Так, 5 июня 2014 г. министр иностранных дел С.В. Лавров выступал в Вене на министерской сессии Совета Европы по вопросам ситуации в Украине. Глава российского МИДа объявил о том, что Москва видит выход из кризиса «исключительно на основе общенационального диалога, в котором будет полноценно звучать голос и юга, и востока, и в целом каждого региона Украины». «У нас есть хорошая основа – это и соглашение от 21 февраля, и женеvское заявление от 17 апреля. Их надо выполнять, и делать это могут только сами украинцы, а заниматься нужно сегодня не попытками легитимизировать власти в Киеве и не представлять протестующих на юге и востоке как "сепаратистов" и "террористов", а сведением всех украинцев за стол переговоров» [17]. Дипломат, обращаясь к коллегам, призвал к миру и принятию конструктивного решения: «Тогда давайте всё-таки не будем разрывать Украину между востоком и западом, а свои усилия объединим и поможем начать тот диалог, который приведет к согласованию практических шагов по выполнению всех соглашений и заявлений. К сожалению, пока наши западные партнеры еще не созрели для того, чтобы согласиться на равноправное участие в национальном диалоге юго-востока Украины» [17]. С.В. Лавров, используя тактику называния проблемы и поиска совместного решения, также акцентировал внимание на том, что большинство членов Совета Европы выступили за «нахождение компромиссных развязок на Украине» [17].

Е.М. Примаков, выступая перед Генеральной Ассамблеей ООН в 1997 г., говорил следующее: «Через объединение усилий пролегает самый прямой путь к разрешению не только застарелых, но и сравнительно новых конфликтов. Хочу в этой связи привлечь внимание к миротворческим усилиям России в регионе СНГ. Тем не менее, мы не тянем одеяло на себя. Миротворческая роль России не замыкается на урегулировании конфликтов вокруг ее границ, а носит более широкий характер. Наша страна отправила своих миротворцев в различные «горячие точки» под флагом ООН, участвуя в 9 из 17 ооновских операций по поддержанию мира. В этой связи хотел бы остановиться на действиях по принуждению к миру. Особенно в условиях определенной децентрализации ОПМ к этому должны относиться чрезвычайно осторожно. Мы твердо стоим на том, что акции силового характера могут осуществляться исключительно по решению Совета безопасности ООН и под его непосредственным контролем, как это и предусмотрено в Уставе Организации» [18]. Ритор, пользуясь тактиками привлечения внимания, поиска совместного решения, акцентирования проблемы, обращается к конкретным фактам и цифрам, предлагает путь выхода из ситуации совместными объединенными усилиями стран.

Согласно учению о пафосе, восходящему к риторике Аристотеля, американская дипломатия основывается на понижающем пафосе, а российская – на повышающем, нравственном. Ритор оказывается перед выбором – практический интерес, собственная выгода или общее благо. Так, главный пафос публичных выступлений В.И. Чуркина – защита законных прав и интересов России, отстаивание справедливых позиций ООН как организации, образованной по предложению СССР после окончания Второй мировой войны. Основой принятых и предлагаемых им решений служит утверждение истины и

справедливости, обращение к нравственным ценностям в глобальном мировом пространстве. Так, выступая в Совбезе ООН 28 августа 2014 г. В.И. Чуркин, говорит о главенстве международного права для всех стран: «Российская Федерация стала инициатором проведения сегодняшнего заседания Совета Безопасности, поскольку происходящее на территории соседней с нами братской Украины вызывает у нас самую серьезную озабоченность. Кризис, спровоцированный государственным переворотом в Киеве в результате вооруженного захвата власти радикал-экстремистами, продолжает углубляться, порождая самые серьезные риски для будущего этой страны. Подробно на ситуации в Украине остановился сегодня в своём выступлении в Женеве Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров. Мы убеждены, что любые внутренние кризисы должны преодолеваются через диалог всех политических сил, этнических и конфессиональных групп, в конституционном русле и при уважении международных обязательств, в том числе – и не в последнюю очередь – обязательств по международному гуманитарному праву, защите прав человека и прав национальных меньшинств. При этом принципиально важно решительно отмежеваться от экстремистов, пытающихся взять ситуацию под свой контроль незаконными методами, не гнушаясь насилия и открытого террора» [19]. В приведенной цитате также прослеживается тактика приглашения к совместному действию, тактика формирования общего когнитивного поля.

Третьим уровнем исследования образа ратора является уровень логоса – риторического изобретения, аргументации, индивидуального стиля речи в аудитории. Вот как об этом говорится в монографии А.А. Волкова: «Логос – система средств выражения, объединяющая ратора с аудиторией и обеспечивающая коммуникацию с точки зрения адекватности понимания аудиторией замысла и содержания высказывания. Риторический логос существует в форме аргументации» [5, с. 206].

Нам представляется справедливым рассуждение И.Ю. Чистяковой об эффективном логосе. Учёный считает, что «результат речи находит своё выражение в репликах и вопросах из зала, в дальнейших обсуждениях тезиса речи или в целом речевого события, в публикациях по этому поводу, в интервью. И именно так порождается новый логос, новые публичные выступления» [15, с. 62].

Риторической аргументации посвящена монография А.А. Волкова «Теория риторической аргументации» (2013 г.), в которой детально исследуется топика, риторические аргументы, классы риторических аргументов – аргументы к реальности (к факту, к логике), аргументы к авторитету (к безличному авторитету, к личному авторитету), аргументы к аудитории (к человеку, к цели, прагматические аргументы, аргумент долженствования, аргумент необходимости); положительная и отрицательная аргументация, конвенциональная и неконвенциональная аргументация, логическая и квазилогическая аргументация, диалектическая, догматическая, эристическая и софистическая аргументация. Образцовые исследования логоса ратора находим в трудах А.А. Волкова – анализ речи П.А. Столыпина «Об устройстве быта крестьян и о праве собственности», произнесенный в Государственной думе 10 мая 1907 г. [6, с. 15–23], а также в трудах И.Ю. Чистяковой описан риторический портрет П.А. Столыпина [14, с. 113–123].

Подводя итог нашим рассуждениям в связи с постановкой вопроса о взаимодействии трех основных риторических категорий – этоса – пафоса – логоса уместно процитировать такой фундаментальный тезис И.Ю. Чистяковой: «У логоса много значений, но первое из них – человеческое слово вообще. Логос – словесное воплощение замысла речи. В переводе с греческого логос значит "собирать, упорядочивать" (в отношении к любой функции человеческого мышления). Однако мы можем сколько угодно изучать, анализиро-

вать и пафос, и логос, т.е., прежде всего, мыслительную деятельность ратора через его стилистику, но мы никогда не сможем исследовать этос ратора. Это непостижимая до конца категория. И пафос, и логос организуются этосом. Он присутствует на всех этапах создания речи. Характеристика времени, эпохи – это характеристика этоса. Этос проявляется с самого начала замысла публичного монолога и находит отражение в деле, порождённом словом. Вероятно, что и отношение аудитории к ратору складывается по характеру его этоса.

Этос есть образ мыслей, характера говорящего, сформированный традициями и обычаями или правилами речевого поведения его времени. В ораторике многое может изменяться сообразно времени и обстоятельствам. Именно правильно сформированный этос порождает уместность высказывания, умение ратора вступать в диалог с конкретной аудиторией и осуществлять главную цель политической речи – претворение слова в дело, способное изменить жизнь общества к лучшему» [15, с. 61].

Список литературы

1. Аннушкин В. И. Риторика. Вводный курс : учеб. пос. / В. И. Аннушкин. – М. : Флинта : Наука, 2006. – С. 117.
2. Аристотель. Риторика / Аристотель // А.А. Тахо-Годи. Античные риторики. Собрание текстов, статьи, комментарии и общая редакция. – М. : Московский ун-т. – 352 с.
3. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: избранные труды / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
4. Волков А. А. Курс русской риторики / А. А. Волков. – М. : Издательство храма св. муч. Татианы, 2001. – 336 с.
5. Волков А. А. Теория риторической аргументации / А. А. Волков. – 2-е изд. испр. и доп. – М. : Добросвет, 2012. – 374 с.
6. Волков А. А. Строение и смысл риторического аргумента / А. А. Волков // Риторика. – 1995. – № 1. – С. 15–23.
8. Ворожбитова А. А. Методический статус в лингвориторической парадигме / А. А. Ворожбитова // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX века. – СПб. – Ставрополь : СГУ, 2001. – С. 46.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
10. Ковалев А. Н. Азбука дипломатии / А. Н. Ковалев. – М., 1975.
11. Пешков И. В. Риторика как гуманитарные знания / И. В. Пешков // Путь в риторику. Проблемы и трудности преподавания. – Пермь : ЗУУНЦ, 1998. – Вып. 2. – С. 96.
12. Рождественский Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский. – М. : Добросвет, 1999. – 482 с.
13. Словарь античности / сост. Йоганнес Ирмшер. – М. : Эллис Лак ; Прогресс, 1993. – 669 с.
14. Чистякова И. Ю. Русская политическая ораторика первой половины XX века : монография / И. Ю. Чистякова. – Астрахань : АГУ, 2006. – 369 с.
15. Чистякова И. Ю. Русская политическая ораторика. Этос ратора / И. Ю. Чистякова. – Germany : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH, 2012. – 143 с.
16. Чистякова И. Ю. Этос, пафос и логос говорящей личности / И. Ю. Чистякова // Говорящая личность в современном информационном обществе : мат-лы Междунар. науч. конф. по риторике (Астрахань, 15 марта 2012 г.). – Астрахань : АГУ, 2012. – С. 59–65.
17. Российская газета. Говорить в полный голос. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/05/06/lavrov-site.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

18. Примаков Е. М. Выступление перед Генеральной Ассамблеей ООН. 1997 г. / Е. М. Примаков. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/2691567/page:4>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
19. Чуркин В. И. Выступление в Совбезе ООН 28 августа 2014 г. / В. И. Чуркин. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2014/08/30/195>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Annushkin V. I. *Ritorika. Vvodnyj kurs* [Rhetoric. Introductory course]. Moscow, Flinta publ., Nauka publ., 2006, p. 117.
2. Aristotel'. *Ritorika* [Rhetoric]. A.A. Tahoe-Godi. *Antichnye ritoriki. Sobranie tekstov, stat'i, kommentarii i obshhaja redakcija* [A. A. Tahoe Godi. Ancient rhetoric. Collection of texts, articles, comments and General editorial]. Moscow, Moskovskij un-t publ., 352 p.
3. Vinogradov V. V. *O jazyke hudozhestvennoj prozy: izbrannye trudy* [About the language of fiction: selected works]. Moscow, Nauka publ., 1980, 360 p.
4. Volkov A. A. *Kurs russkoj ritoriki* [The course of Russian rhetoric]. Moscow, Izdatel'stvo hrama sv. much. Tatiany publ., 2001, 336 p.
5. Volkov A. A. *Teorija ritoricheskoy argumentacii* [Theory of rhetorical argument]. 2nd ed. Moscow, Dobrosvet publ., 2012, 374 p.
6. Volkov A. A. *Stroenie i smysl ritoricheskogo argumenta* [The structure and meaning of a rhetorical argument]. *Ritorika* [Rhetoric], 1995, no. 1, pp. 15–23.
8. Vorozhbitova A. A. *Metodicheskij status v lingvoritoricheskoy paradigme* [Methodological status in the linguistic paradigm]. *Principy i metody issledovanija v filologii: Konec XX veka* [Principles and methods of research in Philology: The end of XX century]. St. Petersburg, Stavropol, SGU publ., 2001, p. 46.
9. Karaulov Ju. N. *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Nauka publ., 1987, 261 p.
10. Kovalev A. N. *Azbuka diplomatii* [The alphabet of diplomacy]. Moscow, 1975.
11. Peshkov I. V. *Ritorika kak gumanitarnye znanija* [Rhetoric as humanitarian knowledge]. *Put' v ritoriku. Problemy i trudnosti prepodavanija* [Way to rhetoric. Problems and difficulties of teaching]. Perm, ZUUNC, 1998, issue 2, p. 96.
12. Rozhdestvenskij Ju. V. *Teorija ritoriki* [Theory of rhetoric]. Moscow, Dobrosvet publ., 1999, 482 p.
13. Irmsher J. *Slovar' antichnosti* [Dictionary of antiquity]. Moscow, Jellis Lak publ., Progress publ., 1993, 669 p.
14. Chistjakova I. Ju. *Russkaja politicheskaja oratorika pervoj poloviny XX veka* [Russian political oratorica the first half of the XX century]. Astrakhan, AGU publ., 2006, 369 p.
15. Chistjakova I. Ju. *Russkaja politicheskaja oratorika. Jetos ritora* [Russian political oratorica. The ethos of the rhetorician]. Germany, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH publ., 2012, 143 p.
16. Chistjakova I. Ju. *Jetos, pafos i logos govorjashhej lichnosti* [Ethos, pathos and logo of the speaking person]. *Govorjashhaja lichnost' v sovremennom informacionnom obshhestve* [Talking personality in the modern information society]. Astrakhan, AGU publ., 2012, pp. 59–65.
17. *Rossijskaja gazeta. Govorit' v polnyj golos* [Russian newspaper. Speak in full voice]. Available at: <http://www.rg.ru/2014/05/06/lavrov-site.html>.
18. Primakov E. M. *Vystuplenie pered General'noj Assambleej OON. 1997 g.* [Speech to the UN General Assembly. 1997]. Available at: <https://studfiles.net/preview/2691567/page:4>.
19. Churkin V. I. *Vystuplenie v Sovbeze OON 28 avgusta 2014 g.* [Speech at the UN security Council on 28 August 2014]. Available at: <http://www.proza.ru/2014/08/30/195>.